

Академия: страсти по концепциям

Прошедший, 2005 год ознаменовался новым ранним бунтом ученых. Более тысячи представителей науки поставили свои подписи под обращением к первым лицам государства, поднимая свой голос за сохранение потенциала армянской науки. Утверждая, что наука в опасности, что она агонизирует, что требуются изменения научную политику, неправомерные акценты которой привели ее в состояние коллапса. Апофеозом года нынешнего стало обсуждение проектов двух концепций дальнейшего развития науки. Одна подготовлена президиумом НАН, вторая — Министерством образования и науки (МОН) на основе гранта, предоставленного UNDP, одной из структур ООН. Но расценивать небо петардами пока рано — несмотря на относительно небольшое пространство циркуляции этих проектов, они уже вызвали резкую критику в научных кругах. Своим мнением об этих концепциях делится сегодня академик Анри НЕРСЕСЯН.

— На заседании президиума НАН, обсуждавшем недавно проект Концепции МОН, разразился, как говорят, скандал. Что послужило его причиной?

— Заключительная страница проекта, где в схематичной форме, в частности, предложено разредить НАН и научные учреждения (т.е., согласно устоявшейся терминологии, "превратить НАН в клуб"). Мне такая реакция показалась странной, ибо когда в прошлом году академик Давид Седракян предложил сделать то же, никто из академиков публично его не упрекнул. Достав полный текст 67-страничной Концепции МОН, я понял, что на самом деле "высшему" руководству НАН не понравились первые ее 50 страниц, где коллективом разработчиков (руководитель — кандидат эконимических наук Атом Маргарян) даны сведения, характеризующие ситуацию, сложившуюся в нашей науке в последние годы. Все построено на цифрах, по которым видно, что финансирование армянской науки ведется по остаточному принципу и что им нельзя обеспечить не только развитие науки, но и сохранение ее потенциала... Проблемы имеются и в рациональном распределении, и в целом, эффективном использовании финансирования, ибо президиум НАН основной финансовый поток направил на хозяйственные и прочие расходы.

— Каково же видение ситуации в науке и ее часть в концепции, предложенной МОН?

— Эта часть в ней... отсутствует. После набора очков фраза декларируется: надо сделать то-то и то-то... Таким образом, позволения сказать, "концепция" любой закачки (в данном случае правительство) имеет полное основание выбросить в мусорную корзину не читая.

— Зачем же так резко?

— Належить резко реагировать на официальных должных списков и дискуссий сие анализом — невременная база для выводов в любых проектах (тем более в проектах реформирования), иначе рекомендации могут считаться выходящими из пальца. Наивно думать, что кому-то в высшем кругу руководства НАН неизвестна эта азбучная истина. Просто соблюдение этого правила для них равносильно самоубийству. Именно поэтому даже членам президиума для обсуждения были выданы только первые две (заглавие и состав авторского коллектива) и последняя (схема рекомендаций) страницы проекта Концепции МОН. Не было объявлено даже, что предлагаемая реформа постепенная, рассчитанная на 15 лет.

— И все же, какие решения предлагаются в концепциях?

— Давайте сначала бросим взгляд "изнутри" на реальную ситуацию в НАН. Известно, что, например, в 2004 г., при общих затратах на зарплату в 860 млн драмов, научные сотрудники составляли 57% от всего персонала НАН. Корректируя разницу в размере зарплат, можно утверждать, что в 2003–2005 гг. на зарплату ученых тратилось где-то около 600 млн драмов в год. Рассмотрим теперь базовое финансирование на 2005 г. Сблизий его объем — 1,65 млрд драмов, но только около половины этой суммы финансирует как бюджет научных учреждений. Остальное идет отдельно, через президиум НАН, в основном в рамках предложенных им и утвержденных правительством "целевых" программ или программ "сохранения и развития научной и научно-технической инфраструктуры". Так, 142,4 млн драмов выделено на государственную некоммерческую организацию "Национальная экспериментальная лаборатория". За этим наукообразным названием фактически скрывается лаборатория криминалистики, и обосновывал этот проект вице-президент НАН Э. Габриелян. Так почему же это (вероятно, нужно) дело оплачивается за счет бюджета НАН, а не из бюджета Министерства юстиции или иного, более подходящего ведомства? 35,8 млн драмов выделено Центру медицинской генетики, который даже в отчете НАН фигурирует как дижитальный центр. 50 млн драмов — программа "Полупроводниковая наноэлектроника". Отдавая должное научному уровню координатора программы вице-президенту НАН Э. Казаряна и других участников проекта, позволю себе выразить сомнение в перспективах развития у нас (и международной конкурентоспособности) этого направления, основанного прежде всего на суперсовременной и супердорогой "высокой" технологии. Если я не прав, то почему бы исполнителем этой программы (кстати, довольно разносторонним по своим научным интересам и ведомствам) не подать заявку на грант (скажем, в фонд CRDF) совместно с признанными в мире специалистами и выдержать международный конкурс? 30 млн драмов выделено на программу "Создание государственной научной вычислительной сети". Финансируемой вице-президенту НАН Ю. Шукрулюком с привлечением специалистов из ЕГУ и ГИУА. Странным является и использование в перечисленных программах только бюджета НАН, без привлечения средств отнюдь не бедных неакадемических организаций, где работают многочисленные участники "целевых" проектов. Ни один из этих проектов не обсуждался на Общем собрании, более того, явно просматривается лоббирование руководством НАН своих личных интересов за счет снижения зарплат и ухудшения рабочих условий для тысяч ученых. Получается, что другие жизненно необходимые для страны разработки, к примеру, геологов, химиков и биологов, сегодня второстепенны, а астрономия и вовсе является неперспективной. Отношение же к гуманитарным наукам (и в частности к арменоведению) иначе как цинично лицемерным не назовешь. За по-



следнее десятилетие руководство НАН в лице ее президента Ф. Саркисяна, членов бюро президиума постоянно подчеркивало приоритетность арменоведения. И вот результат этих "патристических" речей — всего 13,2 млн драмов на публикацию четырехтомника "История Армении". Остановимся теперь на бюджетах президиума НАН в 2004–2005 гг. Он составлял 131,4 млн драмов в год при 134 сотрудниках (исключая 145 млн драмов на государственные дотации членам академии). То, что сегодняшний президиум НАН — структура, паразитирующая на ученых, следует из сравнения с финансированием сорока научных учреждений НАН, бюджет каждого из которых составляет в среднем чуть более 30 млн драмов. Бюджет Института механики, имеющего примерно столько же сотрудников, что и президиум, был равен в 2005–м 34 млн драмов, Института гидроэкологии и иктиологии Севана — 11,5 млн драмов, Института литературы — 16,9 млн драмов. По размерам финансирования на одного сотрудника президиум НАН превосходит приведенные институты примерно в четыре раза, несколько уступая лишь рекордным показателям любимого депутата президента НАН — Центру медицинской генетики — 35,8 млн драмов. И это еще не все. В последние годы президиуму НАН остается от выделяемой Минфиндом суммы дотаций членам академии от 30 до 40 млн драмов в год.

— Каким образом?

— Число членов академии убывает с каждым годом, а после 2002 г. выборов вообще не было, хотя устав НАН требует проведения их не реже, чем раз в 3 года, не получают дотаций и выехавшие из страны академики. Между тем Минфин стандартно перечисляет в президиум деньги по установленному правительством максимуму числа членов НАН. Вот и остается президиуму "навар", который, судя по финансовой статье поступления, мог бы быть истрачен лишь на зарплату или премиальные. Его в 2005 г. хватало бы на ежемесячное дополнительное вознаграждение, равное зарплате доктора наук, всем сотрудникам президиума (включая вахтеров). Держу пари, что такой возмездительной уравниловки не произошло и "заслуженное" вознаграждение досталось в основном руководящему составу.

— Полгода назад вы по подобным поводам через нашу газету обратились в Совет по борьбе с коррупцией при премьер-министре. Каков результат?

— И не только через газету, но и прямо в мониторинговую группу при совете. И, как говорят, ни ответа ни привета. Подождо уже некоторое время, но если окажется, что на функционирование органа с таким обязывающим названием у г-на А. Маргаряна опять не хватило времени, предложу в помощь ему сменить название на "Совет по утаиванию фактов коррупции" и в полном соответствии с этим вообще не созывать заседания. Между тем число известных мне фактов, явно претендующих на утаивание, неуклонно растет.

— Похоже, вы считаете ситуацию в Академии весьма тревожной.

— Я считаю ее критической. Думаю, научный потенциал НАН фактически уже на грани агонии. Подробное обоснование диагноза займет много времени, поэтому отмечу лишь некоторые его явные симптомы. Согласно отчету, в 2004 году 2243 научных работника НАН опубликовали 1354 "статьи, тезиса к докладам и др.". Любый аспирант и даже студент может отослать хоть десять тезисов на конференции, адреса которых кишат и Интернет, и пять из них, ручаясь, будут опубликованы. Где же оценки по рейтингам журналов, по индексам цитирования? Если проанализировать, какую часть из этих публикаций составляют научные работы и какие из них сделаны на зарубежных грантах, то в остатке не останется и половины. Но и они не характеризуют нынешний потенциал НАН. Утечка из НАН стала катастрофической, и цифра в 2243 научных работника также не отражает реальности. Так, в Институте математики из 49 научных сотрудников 28 работают на постлаты, являясь основными сотрудниками вузов, и получают там на 80–90 процентов денег больше, чем в НАН. Логично ли считать их работы выполненными только в академии? Подобные случаи не единичны, и они, кстати, развенчивают миф о "плотных связях" НАН с вузами, тем более что и многие основные сотрудники НАН преподают в вузах.

— Терпеливо жду вашей оценки выводов упомянутых двух концепций.

— Начну с Концепции НАН в ее последнем, несколько улучшенном усилиями членов президиума варианте. Она в целом не только предполагает сохранение описанной мною неперспективной ситуации, но и нацелена на еще большую бюрократизацию академической науки. Чего стоит предложение создать кафедры, связывающие институты НАН с вузами. Представяете,

сколько их надо? А предложение создать научно-производственные комплексы и научно-образовательные центры "по главным направлениям". На какие средства эта машина будет функционировать? Грешат бюрократизацией и авторы Концепции МОН. Касаясь передачи институтов НАН вузам или министерствам, авторы совершают логическую ошибку, ибо исходя из гипотетической уставной схемы управления НАН. На самом деле принцип сегодняшнего функционирования НАН совсем иной. Все власть фактически узурпировал президент НАН, который, игнорируя роль Общего собрания (уставного главного органа управления), превратил его в статистику, украшающего парадные "заседания" в советском духе. Основные решения (особенно финансовые) выносятся не предусмотренной уставом структурой — бюро президиума, обычно даже без последующего уведомления президиума. Надо вернуть управление НАН на законные рельсы, а не передавать ее институты в вузы, которые сегодня сами погрязли в проблемах — достаточно упомянуть их общеизвестную коррупционность. Предложение Концепции МОН о варианте преобразования НАН в некий "фонд фундаментальной науки" с почетным советом считаю крайне опасным, объективно направленным на полную ликвидацию независимости НАН от политической обстановки, волюнтаристских решений. Наконец, обе концепции фактически предлагают постепенное отщепление фундаментальной науки на вторые позиции, бездумно выпячивая роль чисто прикладных исследований и инновационных проектов. Отнюдь не умаляя роли последних, решительно возражаю против траты на них столь большой части бюджета НАН — они должны в основном финансироваться иными структурами.

— Какие реформы вы бы предложили?

— Надеюсь, общая структура НАН (президиум плюс НИИ) не будет разрушена в ближайшее время волевым решением свыше. В данной, несомненно, кризисной ситуации считаю необходимым не позже чем через месяц-полтора созвать недельную сессию Общего собрания, конечной целью которой будет принятие плана реформ НАН. К началу сессии предлагаю президиуму организовать рабочие группы по изменениям и дополнениям к уставу НАН, по вопросам, касающимся будущего НАН и ее институтов, а также серьезно изучению концепции МОН и других официальных предложений, если они появятся. Нароботи этих групп и станут основой решений сессии, принятых после обсуждения. Изменения устава прежде всего должны служить твердой гарантией неповторения тех явлений, о которых я упоминал здесь и в других публикациях в вашей газете. Первоочередными считаю вопросы, связанные с избранием президента, регламентацией его деятельности и контролем за ней.

Надо покончить с молниеносной процедурой избрания президента непосредственно после выдвижения кандидатур, зная, каковы взгляды кандидатов, что они собираются сделать в первую очередь. Вся деятельность НАН должна определяться (от президента и президиума до директоров институтов и заведующих лабораториями) должна быть полностью прозрачной. Надо подуматься и над устоявшейся процедурой выборов членов академии. Критерии устава, которым должен удовлетворять кандидат, не выдерживают никакой критики и фактически никем всерьез не воспринимаются. В устав следует включить четкие правила аттестации работников НАН всех уровней, с жесткой регламентацией иерархии зарплат. Считаю, что министерский статус президента и его подчинение только премьеру полностью себя дискредитировали. Надо вернуться к выходу НАН на Министерство образования и науки, умерив амбиции чиновников от науки. Не менее чем 90 процентов госфинансирования должно идти прямо в бюджет институтов, а бюджет президиума надо максимально сократить. Президент, академик-секретарь (одновременно зампрезидента), только функционально необходимые службы — вот и весь оплачиваемый центральный аппарат НАН. В этот аппарат необходимо вернуть контрольно-ревизионное управление, которое ликвидировал нынешний президент НАН. Отделением НАН, в которых математик объединен с геологом, а экономист — с лингвистом, профессионально бесполезны, а их оплачиваемый аппарат фактически является приближенным бездельником. Пусть будут шесть-восемь структур, работающих в режиме нынешних проблемных советов и оплачиваемых лишь в период выборов и других мероприятий.

Уставными призывом к власти дати больше денег нет будущего. Надо это наконец понять и разработать режим жесткой экономики материальных и людских ресурсов, считая безусловным приоритетом материальных и технического обеспечения сотрудников, действительно посвятивших себя науке.